УДК 821.161.1-321.2 + 808.1 **Ю. Б. Балашова**

ТЕМА СУДЬБЫ И СЛУЧАЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ М. ЗОЩЕНКО

Выявляется доминантная тема творчества М. Зощенко, определяемая как тема судьбы и случая, ритмически соотносящая основные этапы творческого пути писателя. Ранние тексты конца 1910-х гг. коррелируют с «Сентиментальными повестями», а сатирические рассказы 1920-х гг. — с произведениями смешанного жанрового состава 1930—1950-х. Присутствие сквозной темы обеспечивает целостность разнородного художественного мира М. Зощенко.

Ключевые слова: М. Зощенко; поэтика; жанры прозы; тема судьбы и случая.

В современном литературоведении широкое распространение получил подход к изучению творческого наследия писателя как единого текста. Первым шагом в анализе сверхтекста является вычленение в нем доминанты, призванной обозначить основной закон художественного мира. Доминанты, выделяемые исследователями творчества Зощенко, имеют разноплановый характер: психоаналитический и мифологический [см., например: Жолковский; Синявский; Кадаш], морально-нравственный [Скэттон], экзистенциальный [Белая], культурологический [Щеглов]. Несмотря на «поразительную резкость слома» [Чудакова, с. 34] в творческом развитии Зощенко, выразившуюся в динамике жанрового репертуара, на всем протяжении изучения его творчества исследователей и критиков не покидало ощущение какой-то лейтмотивной темы. В большинстве случаев эта тема определялась через характерологические свойства специфического зощенковского героя; по словам А. Старкова, «большая тема Зощенко со своим сквозным персонажем раскрывается не в каком-нибудь одном произведении, а во всем творчестве сатирика как бы по частям» [Старков, с. 57]. Стремление исследователей обнаружить смысловой инвариант внешне противоречивого художественного мира Зощенко представляется симптоматичным. В поэтологической плоскости такой подход ведет к выделению главной темы, поскольку «понятие темы есть понятие суммирующее (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — *Ю. Б.*), объединяющее словесный материал произведения. Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает своей темой» [Томашевский, с. 136]. Основываясь на исследовательской парадигме, было бы правомерным предположить, что в творчестве Зощенко присутствует сквозная тема, связывающая его тексты начиная с самых ранних и завершая последними. Парадокс заключается в том, что у писателя, который пишет про быт, обнаруживается центральная бытийственная тема, которую мы определяем как тему судьбы и случая.

Ранний этап формирования Зощенко пришелся на время господства модернистской культуры (артистическая семья, учеба в статусной восьмой петербургской гимназии, затем недолгий студенческий период в Санкт-Петербургском

© Балашова Ю. Б., 2014

университете). В это время ученическая среда была чрезвычайно политизированной и принципиально ориентированной на модернистский культурный контекст [Балашова].

В ранний («рукописный») период творчества Зощенко представлял судьбу в качестве идеологемы тайны жизни в жанрах философской сказки [Лицо и маска...] и литературного эссе [Зощенко, 1976], где стремление к непознаваемому формирует главное сюжетообразующее событие и оказывается одновременно стимулом и целью человеческих поступков. Героями философских сказок Зощенко без всякой внешней видимой причины овладевает желание пережить то, что принято называть «счастьем», «жизнью», «новым»: «...что такое ж и з н ь? Где же сущность и где счастье?» [Лицо и маска..., с. 43]. В этом стремлении герои сталкиваются с непознаваемой тайной жизни: «В молчании подавленном и таинственном король вдруг стал понимать какую-то огромную тайну, какая-то мысль, будто рожденная в глубине души его, мелькнула, расширилась и снова замерла где-то. Это мысль о какой-то тайне жизни: она чуть коснулась его нежного человеческого мозга и пропала бесследно. Будто мозг не мог принять ее. И почувствовал король, что есть какая-то тайна, но о ней н е л ь з я даже думать. Ее знают только боги» [Там же, с. 60—61].

Наряду с «тайной жизни» в ранних текстах Зощенко встречается и другое поименование — «судьба». Так, в статье 1919 г. об Александре Блоке именно судьба выступает основным критерием для описания пути поэта: «Он даже поэтом стал как-то помимо своей воли. Судьба, Рок, Кисмет распорядились его жизнью...» [Там же, с. 78].

В ранних рассказах писателя фабульного типа («Двугривенный», «Разложение», «Конец», «Актриса», «Мещаночка») случай реализует себя в качестве сюжетной категории события, трактуемом в финале как недоразумение. Рассказы бесфабульного типа («Подлец», «Как она смеет...», «Сосед», «Муж») под влиянием чеховской традиции строятся как тоска по случаю; последний выступает внешним событием, призванным изменить внутреннее состояние героя.

В ранний период судьба становится ключевым словом личного словаря Зощенко, лейтмотивом, который связывает критические статьи, записи, письма писателя. Ранние письма свидетельствуют о рефлексии писателя над собственной судьбой: «и не я, а судьба тянет меня куда-то» [Там же, с. 24]. Как истинный «человек модерна» Зощенко пронес интерес к трансцендентному через всю жизнь, был склонен к мистике даже в быту [Воспоминания о Михаиле Зощенко, с. 269—270; Хин, с. 42; Сухих, с. 139].

Основной жанр второго периода творчества Зощенко — с а т и р и ч е с к и й р а с с к а з, использующий форму юмористического сказа. Значительную часть сатирических рассказов писателя 1920-х гг. составляют рассказы-случаи, основным компонентом сюжета которых предстает п е р и п е т и я. Перипетия подготавливается тем, что нередко рассказываемая история названа самим героем или же рассказчиком, которые всегда остро заинтересованы в происходящем, «случаем», «событием», «происшествием», иногда — «приключением», «делом», «недоразумением», «былью», «фактом». Причем лексема «случай» и его синонимы появляются в начале рассказов приблизительно

в два раза чаще, чем в концовке, акцентируя тем самым роль мотива, закрепленного за словом.

Перипетия возникает тогда, когда герои пытаются применить, использовать вещь. Они не владеют правилами обращения с вещами, не осознают их функционального назначения, а потому неизбежно оказываются под властью вещей. Трагикомическими случаями-перипетиями в рассказах Зощенко оказываются потеря галоши («Галоша»), драка на коммунальной кухне («Нервные люди»), неудачный поход в театр («Прелести культуры», «Аристократка»), происшествие в бане («Баня») и мн. др. Для большинства рассказов характерна неадекватная реакция героя на внешнее событие (гиперболизация случившегося, немотивированный оптимизм). Такая реакция является ответом героя на переворот (перипетию), носящую по преимуществу социальный характер, на которую герой, как правило, не способен повлиять, выступая в качестве лица страдательного. По образному выражению В. Н. Топорова, такого плана случай — социальная перипетия (отличный от древнего рока) — оказывается всего лишь «подножкой» судьбе [Топоров, с. 58].

Судьба выступает темой десяти его рассказов 1920-х гг. Это прежде всего первое опубликованное писателем произведение «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» (книга вышла в свет в декабре 1921 г., датирована 1922 г.)[1], а также рассказы «Черная магия», «Рассказ о попе», «Колдун», «Хиромантия», «Медик», «Медицинский случай», «Тетка Марья рассказала», «Рассказ о том, как у Семен Семеныча Курочкина ложка пропала», «Человек без предрассудков». Во всех перечисленных рассказах тема судьбы тесно связана с суеверием. Так, в «Рассказах Синебрюхова» в формировании этой связи знаковую роль играют отсылки к Н. В. Гоголю, главным образом к повестям «Вий» и «Старосветские помещики». Убитый мельник в главе «Виктория Казимировна» описывается следующим образом: «И незримой силой взошел он в дом, веки у него закрыты, а как на пол ступит, так пол гремит — земля к себе покойника требует» [Зощенко, т. 1, с. 39]. Сюжетная роль кошечки гоголевской Пульхерии Ивановны аналогична роли белой собачки («чертовинки) — злой судьбы Назара Синебрюхова (гл. «Чертовинка»). Подобно кошечке, «чертовинка» должна пропасть столь же внезапно, как и появилась (в восприятии героя собачка бесследно исчезает). Однако Синебрюхов упоминает о том, что «люди после говорили, будто видели ее на дворе, будто она ела косточку, да только вряд ли, не знаю, не думаю... Дело это совершенно удивительное» [Там же, с. 52]. Невольное саморазоблачение героя вводит бытовую мотивировку развивающегося традиционного литературного сюжета. Главный герой цикла господин Синебрюхов перемещается в пространстве в поисках своего «определения» [Там же, с. 53]. За лексемами «судьба» и «случай» в рассказах 1920-х гг. закрепляется связанный динамический мотив.

---

[1] Для дальнейшей судьбы писателя примечательно, что вследствие типографской ошибки под обложкой (без имени автора) находилось произведение другого автора — Константина Державина, носящее название «О трагическом».

В зощенковских рассказах 1920-х гг. случай не только предусмотрен планом судьбы, но и выступает в роли ведущего, поскольку получает более полную реализацию. Эта особенность проявляется и на уровне словоупотребления: лексема «судьба» встречается в рассказах и фельетонах 1920-х гг. лишь семь раз. Жанр сатирико-юмористического рассказа определяет полноту реализации случая и неизбежное искажение судьбы, знаки проявления которой воспринимаются героями как суеверие.

Третий период творческой эволюции писателя знаменует его переход к жанру повести. «Сентиментальные повести» (1923 — 1930) и повесть «Мишель Синягин» объединяет общая сентиментальная тема, однако именно в «Сентиментальных повестях» она соединяется с темой судьбы и случая.

В «Сентиментальных повестях» судьба и случай выступают как категории, скрепленные сюжетно и идеологически. Герои стремятся понять смысл жизни, построить или прояснить собственный «план жизни», осознаваемый ими как судьба. Случай и формирует, и разрушает построенный план. Так, в повести «Страшная ночь» поступки героя Бориса Ивановича Котофеева подчинены принципу «Как сказано, так и сделано». Котофеевым без всякой видимой причины овладевает желание пережить случай. Поводом этому служит его опасение лишиться своей редкой профессии. Воображаемая утрата ведет к нищете: Котофеев просит подаяния, реализуя упрек жены, «что сам-то он нищий без кола, без двора, осчастливленный ее многими милостями» [Зощенко, т. 2, с. 93—94]. Встреча с нищим провоцирует само событие. Обобщенно-символический характер ключевого поступка героя (бьет с церковной колокольни в набат, «...будто нарочно стараясь этим разбудить весь город, всех людей» [Там же, с. 104]), вытекает из прямого и метафорического значения слова «пожар». Это реальный пожар, «надолго оставивший след» [Там же, с. 95] в памяти Котофеева, и две метафоры, первая из которых — языковая («однажды его сомнения разгорелись в пламя» [Там же, с. 98]), а вторая — реализованная («сбежавшиеся соседи пытались вызвать пожарную часть для ликвидации семейных распрей» [Там же, с. 97]). Тема случайности вводится авторским вступлением к повести, где она заявлена отсутствием «мировой идеи или пользы для человечества» [Там же, с. 91] частной жизни, бесцельность которой дополнительно усилена неминуемой гибелью цивилизации: «Представь себе, читатель... На минуту отойди от своих повседневных забот и представь такую картину: до нас существовала какая-то жизнь и какая-то высокая культура, а после она стерлась. А теперь опять расцветет, и опять совершенно все сотрется. Насто, может быть, это и не застанет, а все равно досадное чувство чего-то проходящего, невечного и случайного и постоянно меняющегося заставляет снова и снова подумать совершенно заново о собственной жизни» [Там же, с. 90].

Герой повести «Мудрость» Иван Алексеевич Зощенко (характерная игра писателя с отождествлением фамилий автора и героя) полностью убежден в том, что после одиннадцати лет затворничества он наконец постиг простой смысл жизни: «...ходить к парикмахеру, суетиться, целовать женщин, пить, покупать сахар. Вот мудрость!» [Там же, с. 52]. Внезапная смерть героя восстанавливает непознаваемый статус жизни, которая остается тайной. Элегические

финалы «Сентиментальных повестей» формируются как неизбежная утрата овеществленной судьбы.

В целом же в третий период творческого пути Зощенко происходит противопоставление судьбы и жизни: судьба непознаваема, а в жизни действуют жесткие в своей определенности законы. «Жизнь, на мой ничтожный взгляд, — скажет Зощенко в 1929 г. в книге «Письма к читателю», — устроена проще, обидней и не для интеллигентов» [Зощенко, 1929, с. 95]. Это высказывание непосредственно перекликается с признанием в одном из частных писем конца 1930-х гг.: «То, что исполнилось мое гадание, — это неудивительно, потому что в основном это не гадание, а чистая математика — знание жизни, психики, знание тех житейских формул, по которым совершается наша жизнь. Конечно, для этого надо иметь некоторое “мистическое” проникновение. Но и это “проникновение” — есть попросту сознание, может быть, более обостренное. <...> Против “судьбы” можно идти. И можно своей волей изменять то, что “предсказано”. Но лучше этого не делать» [Хин, с. 42]. Поэтому же настойчивые попытки героев Зощенко конца 1910-х — начала 1930-х гг. понять смысл жизни оборачиваются полной невозможностью такого понимания. Более того, те герои, которые упорствуют в своем стремлении проникнуть в тайну жизни, погибают.

В четвертый период — в системе больших жанровых форм прозы Зощенко 1930 — 1950-х гг. («Возвращенная молодость», «Голубая книга», «Перед восходом солнца») — происходит вытеснение, «изъятие» из мира судьбы как реально действующей силы. В соответствии с психоаналитическим идейным планом этих гибридных по жанровому строению повестей с научно-документальной основой судьба формируется в подсознании: «В этом мире, то есть за порогом сознания, создаются, повторяю, не только многие болезни и недомогания, но создаются и основные склонности, привычки, характер и даже подчас вся судьба» [Зощенко, т. 3, с. 147].

Сам человек неизбежно препятствует собственному развитию — совершает ошибки, которые ведут к страху и страданиям. Двадцать один раз в тексте «Возвращенной молодости» — повести об «исправленной» жизни — повторяется слово «ошибка». Невольно допускаемая человеком ошибка приравнена к случаю, недоразумению: «Это не было даже происшествием. Это была ошибка, несчастный случай, поразительная комбинация случайностей» [Там же, с. 587]. Таким образом, в обозначенный период случай утрачивает связь с событием, происшествием; сам человек может и должен исправить свою ошибку, просчет, распознав ее аналитическим путем. В этой связи показателен отрывок комментариев к «Возвращенной молодости», посвященный Н. В. Гоголю: «Конечно, о Гоголе должна быть особая речь. Кажется даже странным, что этот великий человек, вернее — великий писатель, находится в нашем списке, то есть в списке тех лиц, которые чего-то не поняли» [Там же, с. 88]. Отсюда задача человека связана с самопознанием, «контролем <...> для того, чтобы освободить разум и тело от низших сил <...>» [Там же, с. 688]. В автобиографической повести «Перед восходом солнца» поздний Зощенко демонстрирует способность человека исправить свою судьбу.

Не только жизнь, но и случай оказываются «разъединенными» в текстах позднего Зощенко с судьбой. Так, в рассказе «Грубые ошибки» из цикла «Литературные анекдоты» размышления собравшихся на годовщину смерти художника о его «трагической судьбе» прерваны высказыванием «густо покрасневшего от волнения подростка Коки»: «Нет, судьба тут вовсе ни при чем. Судьбы не бывает. Просто дядя Леня ошибся. Он не знал, что наши истребители начнут так энергично отгонять от Москвы самолеты фашистов. И поэтому уехал на дачу. Это была ошибка, а не судьба» [Зощенко, т. 3, с. 157].

По контрасту с мировоззренческим контекстом сталинского времени и вполне невнятными требованиями социалистического реализма, именно в 1930-е гг. тема судьбы и случая получает наиболее полную реализацию в художественной практике Зощенко. Судьба и случай активно функционируют на лексическом уровне; в качестве свободного статического мотива они встречаются в исторических повестях писателя («Керенский», «Возмездие», «Тарас Шевченко»).

Тема судьбы и случая проходит через все периоды творческого пути Зощенко и имплицитно представлена во всех основных для писателя жанрах. «Безразличны» к данной теме только периферийные жанры: пародия, фельетон, сценическая миниатюра. Специфика воплощения темы определяется тем, что открыто в качестве главной темы она заявлена лишь в одном зощенковском произведении. Речь идет о таком маргинальном тексте, написанном к широко отмечаемому пушкинскому юбилею 1937 г., как «Шестая повесть Белкина» — продолжение пушкинских «Повестей Белкина». Исторический фон и опосредованная стилизованная форма повествования создают «защитный слой», не требующий привычной герметизации личностно важной для Зощенко темы. В классическом претексте — «Повестях Белкина», как и в системе Зощенко 1930 — 1950-х гг., судьба и случай оказываются той данностью, которую не выбирают. Однако, в отличие от своеобразия решения темы в пушкинском цикле, в художественном мире Зощенко судьбу возможно направить и изменить. Таким образом, творческая логика позднего Зощенко связана с тем, что судьба в большей степени зависит от человека, чем человек от судьбы, как это принято считать в традиционалистских типах культуры.

В эволюции доминантной темы судьбы и случая в творчестве Зощенко отчетливо выделяются четыре этапа, каждый из которых характеризуется своеобразием решения темы, способом ее воплощения, тяготением к определенным жанрам, специфической трактовкой самих понятий «судьба» и «случай». Тема судьбы и случая ритмически соотносит основные этапы творческого пути писателя. Первый период соотносится с третьим: ранние тексты конца 1910-х гг. — с «Сентиментальными повестями» на сюжетно-идеологическом уровне; второй период — с четвертым: рассказы 1920-х гг. — с произведениями 1930 — 1950-х, прежде всего тематически и сюжетно. Присутствие единственный раз открыто названной сквозной темы обеспечивает целостность разнородного художественного мира Зощенко.

Балашова Ю. Б. Школьная журналистика Серебряного века. СПб., 2007. 114 с. [Balashova Yu. B. Shkol'naya zhurnalistika Serebryanogo veka. SPb., 2007. 114 s.]

Белая Г. Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко // Лит. обозрение. 1995. № 1. С. 4—13. [Belaya G. Ekzistentsial'naya problematika tvorchestva M. Zoschenko // Lit. obozrenie. 1995. N 1. S. 4—13.]

Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. 608 с. [Vospominaniya o Mikhaile Zoschenko. SPb., 1995. 608 s.]

Жолковский А. Зощенко из XXI века, или Поэтика недоверия // Звезда. 1996. № 5. С. 192—204. [Zholkovskij A. Zoschenko iz XXI veka, ili Poetika nedoveriya // Zvezda. 1996. N 5. S. 192—204.]

Зощенко М. Боги позволяют // Неизданный Зощенко. Ann Arbor, 1976. С. 24—26. [Zoschenko M. Bogi pozvolyayut // Neizdannyj Zoschenko. Ann Arbor, 1976. S. 24—26.]

Зощенко Мих. Письма к писателю. Л., 1929. 149 с. [Zoschenko Mikh. Pis'ma k pisatelyu. L., 1929. 149 s.]

Зощенко Мих. Рассказы, фельетоны, комедии. М. ; Л., 1963. 384 с. [Zoschenko Mikh. Rasskazy, fel'etony, komedii. M. ; L., 1963. 384 s.]

Зощенко Мих. Собрание сочинений : в 3 т. Л., 1986—1987. [Zoschenko Mikh. Sobranie sochinenij : v 3 t. L., 1986—1987.]

Кадаш Т. В. Мировоззренческие аспекты творчества М. Зощенко : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 25 с. [Kadash T. V. Mirovozzrencheskie aspekty tvorchestva M. Zoschenko : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1996. 25 s.]

Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. 368 с. [Litso i maska Mikhaila Zoschenko. M., 1994. 368 s.]

Синявский А. Мифы Михаила Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. С. 238—253. [Sinyavskij A. Mify Mikhaila Zoschenko // Litso i maska Mikhaila Zoschenko. M., 1994. S. 238—253.]

Скэттон Л. Х. Не до смеха. Проблема творческой эволюции Михаила Зощенко // Лит. обозрение. 1995. № 1. С. 14—17. [Sketton L. Kh. Ne do smekha. Problema tvorcheskoj evolyutsii Mikhaila Zoschenko // Lit. obozrenie. 1995. N 1. S. 14—17.]

Старков А. Михаил Зощенко: судьба художника. М., 1990. 252 с. [Starkov A. Mikhail Zoschenko: sud'ba khudozhnika. M., 1990. 252 s.]

Сухих И. Проза советского века: три судьбы : Бабель. Булгаков. Зощенко. СПб., 2012. 216 с. [Sukhikh I. Proza sovetskogo veka: tri sud'by : Babel'. Bulgakov. Zoschenko. SPb., 2012. 216 s.]

Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. М. ; Л., 1930. 240 с. [Tomashevskij B. Teoriya literatury. Poetika. M. ; L., 1930. 240 s.]

Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 38—75. [Toporov V. N. Sud'ba i sluchaj // Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. M., 1994. S. 38—75.]

Хин Евг. Коктебель, 1938 // Звезда. 1994. № 8. С. 33—42. [Khin Evg. Koktebel', 1938 // Zvezda. 1994. N 8. S. 33—42.]

Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979. 200 с. [Chudakova M. O. Poetika Mikhaila Zoschenko. M., 1979. 200 s.]

Щеглов Ю. К. Энциклопедия некультурности (Зощенко: рассказы 20-х годов и «Голубая книга») // Лицо и маска Михаила Зощенко. М., 1994. С. 218—238. [Scheglov Yu. K. Entsiklopediya nekul'turnosti (Zoschenko: rasskazy 20-kh godov i «Golubaya kniga») // Litso i maska Mikhaila Zoschenko. M., 1994. S. 218—238.]

Статья поступила в редакцию 05.11.2013 г.